

Гасан Гусейнов

Хочу учиться у Фарадея!

В России начался новый учебный год. Как уже много десятилетий подряд. Рутинная. Но все равно почти у всех — и тех, кто только приступает, и тех, для кого этот год будет последним, — состояние особое. Часто — полосатое: волнение легко сменяется тоской. Вот начнутся лекции. Бывает интересно, но в целом — занудство. За полтора часа некоторые успевают полкнижки прочитать, а тут приходится слушать, ловить нить чужой мысли. Но бывает и так, что мысль есть, а нить рвется. Или того хуже: и нить блестит, да мысли на ней какие-то вяленые.

Да и вообще, лекция многим кажется жанром устаревшим. Ведь что она вообще такое, эта *lectio*? Просто чтение. А сейчас все грамотные. К тому же книгу или статью читаешь один, а на лекции рядом с тобой сидят еще люди. Иногда — десятки людей. Не сосредоточишься, то и дело отвлекаешься. И все-таки лекции читают всем студентам повсюду в мире. Почему? Потому что она — в идеале — должна так упаковывать живой материал, чтобы слушатель мог уйти с ним, как со своим собственным. Как будто живого щенка купил на Птичьем рынке. А это очень трудно. Лекции, которыми остаешься доволен — и как слушатель, и как лектор, — так редки. А собственные неудачные лекции долго саднят душу, мешая жить и мечтать. Как же быть? Вот об этом и поговорим.

Некоторые научные журналы регулярно публикуют советы, которые давали своим молодым коллегам ученые прошлых веков. Одного из самых выдающихся британских лекторов всех времен хорошо знают и у нас. Во всяком случае, те, кто прочитал лекции Майкла Фарадея, впервые изданные в России в 1866 году под хорошим названием «История свечки», а в конце прошлого столетия прославленные как «История свечи».

Из этой книги и вообще родилась научно-популярная литература Нового времени, но мы же условились говорить только о лекторском

мастерстве. А уклонение от темы — дурная черта лектора. Если... Да-да, если только лектор не сможет доказать, что это не он уклонился от темы, а сам ландшафт предоставил ему возможность показать свой предмет с другой, более выигрышной стороны.

Хорошая лекция должна увлекать самого лектора.

Вот как об этом в письмах Бенджамину Эбботу говорит Фарадей: «Лектор должен казаться собранным без напряжения, бестрепетным и беспристрастным; в его мыслях и во всем его облике должна быть ясно видна готовность к созерцанию и показу своего предмета. Действовать он должен медленно, непринужденно, он должен принимать естественные позы, не замирая и вообще избегая погружения в себя. Все его поведение должно свидетельствовать об уважении к аудитории. Ни в коем случае нельзя показывать, что лектор хоть на мгновение забыл о присутствии вот этих людей, которые его слушают. Никогда, насколько это только возможно, не поворачивайтесь спиной к слушателям. Наоборот, внушите им уверенность, что вы прилагаете все силы к тому, чтобы развлечь и увлечь их своим предметом».

Как мы видим, задача лектора в чем-то не совпадает с задачей, например, автора письменного текста. Вот почему Фарадей вообще отговаривает профессоров записывать текст лекции, не говоря уже о том, чтобы читать ее с листа.

Составьте конспект, а более продолжительные звенья лекции начинайте нанизывать только после того, как встретились глазами с вашими слушателями и увидели в них отклик.

Фарадей откровенно говорит, что «большинство людей не готовы битый час сопровождать вас, если только вы не сумеете усыпать их путь к знанию цветами».

Чтобы вас услышали, вам должны поверить.

Впрочем, пробуждение доверия к лектору — это тоже работа ума, которая не должна слишком утомить слушателя. Ни в коем случае

нельзя, говорит Фарадей, позволить слушателю улететь в мыслях от предмета лекции. Вернуть летуна вам вряд ли удастся. Вообще говоря, Фарадей призывает уважать каждого слушателя как личность, но аудиторию в целом считает в лучшем случае капризным и ленивым ребенком. Как же увязать это отношение с его же, Фарадея, требованиями ясности, откровенности и уважения к аудитории?

Тут дело вот в чем. Лектор хоть и работает, но чувствует и ведет себя во время лекции гораздо свободнее своей аудитории. Например, он распоряжается большим пространством, он может ходить и жестикулировать. Наконец, он может говорить вслух. И довольно громко.

Единственное преимущество слушателей — это лектору, а не аудитории, нужно доказывать, что речь его не только занята, но и полезна. Аудитория — арбитр. Связанный условностями, правилами, а иногда и страхом перед экзаменом, но — арбитр. Лектор — свободен. Но он каждый раз рискует репутацией.

И все-таки лектор должен помнить: прослушать лекцию, выдержав движение чужой мысли, намного труднее, чем лекцию прочитать.

Ведь лектор рассказывает то, что хорошо знает, к чему готовился, что много раз продумывал и проговаривал. А слушатель, может быть, впервые получает весь этот материал, да еще в непривычном исполнении, да не имея возможности переспросить незнакомое слово, вернуться к началу затянутой фразы.

Фарадей, кстати, советует избегать и длинных фраз, и непонятных слов.

Но величие Фарадея в том, что он пишет свою памятку лектору не с точки зрения хорошего наставника и ученого, а как бы подсев на скамейку к школьнику или студенту. Каково ему там, среди балбесов-однокашников? Что они слышат, такие разные, когда слушают тебя, такого похожего на себя самого?

Для того чтобы понять это, Фарадей не советует лектору говорить больше часа. Это, говорит он, не окупаемое никакими знаниями мучение. Как же быть нам? В МГУ, например, лекция официально продолжается девяносто минут! Не мною придуман выход: фарадеевский час — читать, а последнюю треть отпущенного времени отвечать на письменные вопросы аудитории. Никогда так раньше не поступал — отделялся пятиминутной скорочиталкой самых веселых записок.

А с этого года буду слушаться Фарадея. Говорите, учиться никогда не поздно? Вот и проверим.

Гораздо более трудный вопрос: а вот как слушать лекцию? Например, не совсем понятную, нудную, с которой хочется убежать? Фарадей поможет вам и в этом. Он ведь неслучайно читал свой курс «О свечке». Каждая лекция — эксперимент. Вот только экспериментатор — это вовсе не лектор, а слушающий его студент. Даже когда профессор на глазах студентов проводит эксперимент, он только слуга своего знания, посредник между знанием и настоящим экспериментатором, сидящим в аудитории.

Или — в анатомическом театре чужой мысли.

Или на блошином рынке, если хотите унять пафос.

Вот он начинает говорить. Выкладывает на прилавок свой товар, заваливая знакомое незнакомым. Есть там вещи простые и понятные — как гардероб вашей бабушки (если у вас есть бабушка). Но вдруг вываливается что-то непонятное и незнакомое. Или просто плохо показанное. Остановить лектора сразу, в реальном масштабе времени, нельзя: грубо срезать не положено. Значит, надо постараться сжато, но ясно, записать, что вот тогда-то и тогда-то ты, дядя, сказал нечто, чего я не понял, не расслышал. Или — чего не приемлю, потому что это не вписывается в мою картину мира. Изволь дать ответ. Открытку такую послать по рядам. Можно анонимно — лектору, в собственные руки.

Кто-нибудь посмеется над этим советом. А смеяться не надо. В наших университетах это умеют осмысленно делать семь студентов

из ста. Потому ли, что в школе этому учить перестали, или еще по какой причине, не знаю. Вызывающего, дерзкого, остроумного, веселого всегда меньше, чем нужно. А молоденьких старичков и старушек — хоть отбавляй.

Вот почему не надо подозревать Фарадея в амикошонстве и опсиматии, когда он пишет: «Я беру на себя смелость говорить с молодежью так, как если бы я сам был юношей. Так я поступал и раньше, так, с вашего разрешения, буду поступать и теперь». Это голод по любви к знанию и к человеку, а не тот «сварливый старческий задор», бояться которого научил нас великий русский поэт.